

Дмитрий Фалеев

БАХТАЛЕ- ЗУРАЛЕ!

Цыгане, которых мы не знаем

Москва
2013

УДК 394
ББК 63.3(0-Цыг)
Ф19

Редактор Роза Пискотина

Фалеев Д.

Ф19 Бахтале-зурале! Цыгане, которых мы не знаем / Дмитрий Фалеев. — М.: Альпина нон-фикшн, 2013. — 290 с.

ISBN 978-5-91671-262-9

Что за народ — цыгане? Как получилось, что расселившись по всему миру, они нигде не стали своими, везде остаются на особом положении? Как изменилась их жизнь в современной России, и чем отличаются новые цыгане от новых русских? Что такое цыганский закон, цыганская правда, цыганская мораль? Откуда идет поверье, что Иисус Христос разрешил цыганам воровать и обманывать людей? В этой веселой и лиричной книге самые невероятные приключения и судьбы описаны с этнографической достоверностью. С любовью, горечью и беспощадной честностью автор изображает сцены из жизни хорошо знакомых ему цыган, преимущественно котляров.

УДК 394
ББК 63.3(0-Цыг)

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу lib@alpinabook.ru.

ISBN 978-5-91671-262-9

© Фалеев Д., 2013
© ООО «Альпина нон-фикшн», 2013

Содержание

Предисловие	5
ЧАСТЬ I. ЦВЕТОЧКИ	15
Тяфи	17
Про волшебницу Раду и красавицу Гагашку	27
Базар-вокзал	35
«Кушайте этого человека!»	45
Зять любит взять	56
Немного истории: как это в книгах	73
Немного истории: как это в жизни	89
Перуанцы	106
Цыган ходом дорожит	120
ЧАСТЬ II. «ЯГОДКИ»	135
Ай-нанэ-нанэ!	137
2009–01–07	148
«На его руки, на его ноги, на его голову!»	154
Где моя Черана?	164
Иисус воскрес!	172
Люди священной воды	182
Белая ворона – I	193
Белая ворона – II	206
Новое время	214

Про товарища Калинина и повешенную	
женщину	222
«Тютчев, кажется?»	232
Вместо эпилога	238
Приложение	254
<i>Борщ купил ноутбук</i>	254
<i>Зловещие мертвецы</i>	262

Предисловие

Эту чудесную и взбалмошную нацию на весь мир пропиаарил Эмир Кустурица, но на самом деле о цыганах можно снять тысячу фильмов. Таборная жизнь — сплошной театр, и каждый цыган в душе актер, хотя сам он вам скажет: «Я бизнесмен». А какой он бизнесмен? У него дома — шаром покати, крыша течет, дети ходят в обносках, жена гадает около вокзала, драгоценности в ломбарде, зато он купил себе новый «мэрсэдэс» и ездит на нем гордый, как король. Последнее спустит — лишь бы пыль в глаза пустить! Натурально артист!

Сколько ни смотришь «Черную кошку, белого кота», всегда узнаешь в его героях знакомые характеры — да это же, думаешь, вылитый Женико! А тот — Червонец! А та — Берёза! Имена — странноватые для русского слуха, но цыганам нравится. В панеевском таборе я знаю Капусту, Дыню, Редиску, две Груши и Киви! Не табор, а плодоовощная база! Груша, кстати, мужское имя, по-цыгански — Амбрэл. А есть еще Ветка, Конфета, Борщ, Чебуреко, Жаркой, Помидора, Яблоко...

Прошлой зимою родился мальчик — назвали Обама, в честь президента Соединенных Штатов. Священ-

ники в приходе очень удивлялись, когда мы Обаму привезли крестить. Ох, он и вопил, этот самый Обама, когда его в купель окунали!

Помню еще, как собрался Червонец сына крестить — позвал родню, крестных; приехали в церковь на нескольких машинах — а сына забыли! Не анекдот ли?

Когда я впервые оказался в таборе — зашел в один дом, там обои драные. Думаю, кто же их так ободрал? Кошек цыгане в домах не держат, а потом смотрю — молодая хозяйка отрывает прямо со стенки длинную полоску обоев, поджигает ее от огня из печки и дает свекрухе своей прикурить от этой полоски! Чем не кино? Готовая мизансцена. Даже выдумывать ничего не надо.

А то на Рождество был еще один случай: отец гулял на празднике в гостях, а его сынишка лет одиннадцати — двенадцати без спроса взял у отца машину и поехал кататься. Надо думать, что рулил он, воображая себя кем-нибудь вроде Айртона Сенны, потому что его поведением на дороге заинтересовались сотрудники ГИБДД. Они велели ему остановиться, но цыгана даже черт не догонит — педаль газа в пол! Гаишники — за ним. Настоящая погоня! Кончилось тем, что парнишка привел своих преследователей на хвосте в табор, а там гулянье — столы накрыты: поросенок жареный, индюк в яблоках... — все же Рождество! Взяли цыгане по бутылке водки в каждую руку, поговорили, и гаишники портить им праздник не стали.

А цыганский праздник — это что-то с чем-то! Кто был, тот знает. Гуляют, пляшут. Танцевать они лю-

бят. И отлично умеют. «Я раньше танцевала – на все четыре стороны! – говорит Лиза. – И на свадьбах, и на Пасху, и везде, везде, везде! А сейчас не могу – семьдесят пять лет, старуха уже... Все равно танцую!» И, правда, танцует – я сам видел.

А люди не видели, в таборах не были, ни с кем из цыган толком не общались. Зато активно обсуждают, говорят: мол, такие и сякие... Откуда эти выводы? Не выводы, а выдумки, дешевое всезнайство. Истоки их понятны: боятся неизвестности, а табор – неизвестность, отдельная планета, туда *не ходят*. Со стороны поневоле заподозришь – почему к себе не пускают? что там происходит? Ведь если скрывают, значит, есть что скрывать! И вот тут начинается... Человеку свойственно во всем тайном усматривать скорее порок, чем добродетель (это свойство в большей степени выдает нашу собственную «вшивость» в моральном плане).

Цыгане «отгородились» не потому, что безнадежно плохие, а потому, что так у них принято – цыганский обычай! Он четко разделяет мир цыганский и русский. Мы для них такие же чужие, как они для нас. Невидимые стены. Но прошел сквозь них – и все по-другому: светло и ясно. А так конечно: для посторонних таборная жизнь – это темный лес. Какую только нежить на досуге не припишешь темному лесу! В итоге 90% суждений основано на домыслах и предрассудках. Правды в них с наперсток. А напраслины – горы.

Якобы цыгане воруют детей и торгуют наркотиками. Убивают и грабят.

Цыганская мафия – страшная сила.

Страшнее только цыганский гипноз! Ведь они обладают сверхъестественными способностями и зомбируют людей!

Цыгане – язычники. Наводят сглаз. Напускают порчу. Предсказывают будущее. Видят судьбу.

Прежде чем общаться с ними, нужно помолиться.

Но лучше не общаться!

Их женщины – ведьмы, а девчонки – аферистки, разбитные оторвы. Добра от них не жди.

Цыганские бароны – жестокие и властные. Шкуру сдерут за пустяк, за копейку!

Это люди вне закона. Своих детей они с малых лет приучают к воровству!

Беспросветные лентяи, наглецы и отщепенцы. В домах у них грязно. Сами не моются. Едят что придется. А пьют, как кони!

И в любой момент хватаются за нож!

Годами кочуют. Живут обманом. Честный цыган – это то же самое, что щедрый еврей. Может, такие где-то и есть, но их никто не видел.

Один ученый, как будто умный, однажды мне выдал: «Я, конечно, понимаю, что для этнографа не бывает народов плохих или хороших, но вы выбрали самый худший».

В моей семье к цыганам относились без уважения и с опаской.

Я слушал, слушал, и получалось, что цыганская семья – это муж-бандит, жена-прошмандовка и дети – на подхвате. Такой стереотип.

Совсем другое было отношение к цыганам-артистам. Этих любили – за песни и пляски, за нарядные костюмы, за красоту!

Начальник милиции города Приволжск мне признавался:

– Я цыган люблю таких, как в фильме «Табор уходит в небо». А наших – нет.

– Почему?

– Ворье.

Он, кстати, был одним из немногих людей, который судил о цыганах не понаслышке. Все остальные, кто их ругал, делали это просто потому, что вроде так положено, и, когда я спрашивал: «А много ли раз вы встречались с цыганами? Что плохого они вам сделали? Расскажите конкретно», люди терялись. Сказать им было попросту нечего. Максимальный ущерб заключался в том, что привокзальная гадалка развела кого-то на сто рублей!

Вскоре я понял: людям о цыганах известно не больше, чем о зулусах, хотя зулусы живут в Африке, а цыгане – рядом. Вокруг них сложилось множество мифов, и не самых лестных. За последнее время ситуация крайне усугубилась криминальной хроникой по ТВ и в газетах, но это же бред – делать выводы о целом народе, имея в виду лишь рассказы о худших его представителях! Эта выборка – нечестная. Ведь и уже упомянутый здесь начальник милиции сталкивался с цыганами исключительно по работе! Но не может же вся нация сплошь состоять из одних уголовников!

Мне стало интересно. Я в тот период ничего не смыслил в этом вопросе и приписывал цыганам уйму такого, чего в действительности не подтвердилось, однако, в отличие от большинства других, мои фантазии сопровождались не знаком «минус», а знаком «плюс»! Я представлял мир таинственный и древний – пусть на обочине, но созвучный с нашим, вернее, с моим.

Антураж тогда был насквозь романтический – вольная воля, нечистая сила, мятежные чувства, любовь и магия, сказка странствий... Виноваты и Лесков, и Кустурица, и Пушкин, но больше всего музыка – Горан Брегович, Алеша Дмитриевич, «No smoking orchestra», «Taraf de Haidouks», «Лойко», «Kali jag» ... Музыке я верил гораздо больше, чем друзьям и журналистам, и я все думал: «Ах, цыгане!» или «Эх, цыгане!» Меня к ним тянуло. Это чувство было едва ли не физиологической потребностью, и хотя в итоге я нашел у цыган совсем не то, что искал, оно меня несколько не разочаровало.

Я завел связи. Стал ездить в табор. У меня появилось там много знакомых, и я многому у них научился. Не потому, что цыгане – уникамы, а потому что, закружившись в прогрессе, мы утратили нечто такое хорошее, что было и у нас, но мы потеряли, а цыгане еще не успели потерять, хотя тоже теряют.

Об этом и книга.

Хочется развеять нелепые домыслы, глупые слухи.

В том числе и самый главный – что цыганский народ есть нечто однородное, единое целое. Совершен-

ная неправда! Когда-то так и было. Но цыгане раскатились по всей планете, как порванные бусы в разные стороны. И в каждой стране потихоньку нахватились – одни одного, а другие другого. Я знаю цыган, которые не знают по-цыгански ни слова – они между собою говорят по-венгерски*. А другие по-татарски**. Сам цыганский язык включает в себя столько разнообразных диалектов, что их носителям, проживающим в России, друг с другом гораздо проще общаться по-русски, потому что русский для всех одинаковый, а цыганский – нет!

И с музыкой так же. Народные мелодии цыган из разных наций похожи, как лев и снежный барс, леопард или пума. Хотя это все кошачьи, то есть близкие родственники, никому же не приходит в голову их путать! А цыган путают! Котляров с ловарями, влахов с кишиневцами. А у них, между прочим, и обычаи разные, и костюмы, и танцы, и законы, и религии, и набор профессий, и характер преступлений, к которым тяготеют. Смуглая женщина в яркой юбке, которая у вокзала гадает по ладони, вероятно, котлярка, а та, которая выкрала у вас в подземном переходе на станции метро мобильный телефон или, скажем, бумажник, – из мадяров. Наркотики продают и крымы, и лотвы, и русска рома, но более других засветилась в этой «отрасли» этногруппа ловарей. Так что нечего мешать! Ведь то, что в отношении одних цыган истинно, в отношении других – ложь и клевета.

---

* Этногруппа «мадяры».

** Этногруппа «мугат».

Вопрос о том, какой общий знаменатель можно выделить в столь пестром сообществе, мы до времени рассматривать не будем, потому что это, по большому счету, будет уже (по выражению Розанова) «метафизика народа», а моя задача — этнографический очерк.

Множество раз, от праздности заспорив со случайными знакомыми, которых постоянно приобретаешь хотя бы как попутчиков по плацкартному вагону или при других мимолетных обстоятельствах, я уже пытался излагать это устно, стараясь фактами, бытовыми зарисовками сломить непросвещенность, внести порядок в мешанину представлений о цыганском народе, но чаще всего в подобных дискуссиях наталкивался на глухую стену. Люди вели себя, как упрямые бараны. Какие бы истории я ни приводил, они тупо стояли на своем: «Хороших цыган не бывает».

Какая ошибка!

Однажды я пожаловался на это в таборе. Табор был котлярский, а беседа шла с Тимой — он сын барона, ему к сорока. Он находчивый и важный. Тему воспринял горячо и близко к сердцу.

Я ему говорил:

— Вот объясняю, что цыгане — все разные; нельзя их стричь под одну гребенку, люди это слушают, но есть такие, которые уперлись и не хотят менять свое мнение, как ни объясняй.

— У них плохо с головой! — воскликнул Тима. — Ты сам же видишь: зима — весна, весна — лето, лето — осень... Природа меняется! Человек тоже должен

меняться! А тот, который не хочет меняться, — он не-
вменяемый! Ему нужно в больницу!

Не надо в больницу! Будьте здоровы!

Я писал эту книгу как документ. Имена настоя-
щие, все реально.

Это правда, а в правде — сила.

Часть I
ЦВЕТОЧКИ

Тяфи

Навещать старых добрых знакомых всегда приятно. Накануне Нового года – вдвойне! Захватив литровую бутылку самодельного яблочного вина, я отправился в цыганский табор, расположенный рядом с деревней Панеево Ивановской области, – узнать, как там Греко, Лиза, Тимур, что у них нового, своим поделиться.

Вышел на автобусной остановке, иду. Вижу дымки – газовое отопление в таборе есть далеко не у всех. У многих обычные русские печи.

Поворачиваю с шоссе. У съезда чернеют припорошенные трубы. Их где-то купили, чтобы где-то продать, но пока не продали, и трубы «зависли» на окраине табора. Здесь у цыган нечто вроде склада: привозят, сгружают... Вот хоть направо – высокие сугробы, но это не сугробы! Под снегом лежат трансформаторные подстанции. Они нерабочие. На производстве их уже списали, а цыгане купили: разберут – будет медь; медь они сдадут.

На заснеженной улице нет ни души: ни детей, ни женщин. Думаю: «Странно. Не случилось ли чего?» Ведь в таборе обычно весьма оживленно – как в московском метро.

Из крайнего дома быстрыми шагами выходит Женико (он же Женя). Его сопровождает бровастая дворняжка.

Я говорю:

– Привет, морэ*. Как твои дела?

Он:

– Не поверишь! Зарезали тут одного.

– Кто?!

– Мы!

– Кого?

– Пойдем покажу!

И ведет прямо в дом. За порогом – два тазика с потемневшей кровью. Посреди комнаты лежит тело. Рядом с холодильником – отрезанная голова. На лбу – отметина от удара топором! Взгляд – бессмысленный и остекленевший, уши повисли, нос – пяточком. Цыгане зарезали поросю! Тушу разделявают прямо в доме. Этим занимаются исключительно мужчины. Женщины и дети восторженно наблюдают. Для них это настоящее шоу.

Хряк валяется на спине с раскрытым пузом. Копыта на лапах уже обрублены. Через пару минут тушу раскрывают, как футляр контрабаса: две лапы налево, две – направо.

Один из молодых цыган вырезал сердце, показал барону.

Мне объясняют: поросенка кормили в складчину – пять или шесть семей, а теперь будет тяфи.

---

* Морэ – друг.

– Что это такое?

– А вот когда поросенка зарежут и всех зовут отпраздновать, выпить – это у нас называют «тяфи».

Играет музыка. Нарядная Черана, нарядная Рупиш. Шустрые дети. На руках у Маши голосисто расплакался маленький Пулемет, сын Чебуреко. Над диваном открыточно-яркая картина: альпийский пейзаж. В соседнюю комнату (цыган скажет «в залу») проход в виде арки – там стол накрытый. Стены в коврах. В углу стоит огромная, празднично украшенная новогодняя... сосна! У нее на макушке красная звезда, как на Спасской башне. Под сосной – Дед Мороз и бутылки шампанского. На ветках – обильно – «дождик», игрушки, конфеты и баранки. Цыгане наряжают сосны, а не ели, потому что на них дольше держится хвоя.

А новости... главная новость такая: на днях в таборе накрылось электричество. Это часто бывает, потому что цыгане как только не мухлюют – лишь бы не платить, и если ты в счетчик не вставил «жулик», ты не цыган! Вот и коротнуло. В половине домов сгорела техника – музыкальные центры, электрические чайники... Доэкономились, скупой платит дважды.

– Не продашь мне телевизор? – говорит Червонец. Его «самсунг» стал одной из жертв того замыкания. Без «самсунга» все скучают. Только Греко доволен:

– Без телевизора люди лучше общаются! Лучше домино! А по телевизору плохому научишься!

– Червонец, – говорю, – а почему у тебя такое имя?

– У мамы спроси.

Мама его, Лиза, – жена барона, ей семьдесят пять лет. Она отвечает:

– А помнишь, раньше были деньги красивые – красные червонцы, николашки их звали. Я их считала, и как раз он родился. А пусть, думаю, Червонец будет!

У этой Лизы двенадцать детей, а внуков сто! Она всех и не вспомнит!

Праздник происходит в доме Боши и Чераны. Гостей туда набилось, как в стручок горошин! Гутуйо (он же Коля), Пьяпино (Петрo), Пико (он же Миша), баба Лиза (Ляля) ... У цыган, как у испанских грандов, несколько имен: одно – для табора, другое – для города, для документов. Раньше это была, судя по всему, своего рода конспирация, а сейчас остается как дань привычке, «такой у нас обычай».

Поросенок разделан. Каждая семья берет свою долю – массивные куски, которые сочатся кровавой росой; незначительную часть оставляют для тяфи. Готовят тут же – в большом казане, с луком, с приправами.

Мертвую голову поставили на стол у газовой плиты. Вместо украшения. Редиска рассматривает свиную морду во всех подробностях с осторожным интересом – а вдруг она сейчас очнется и хрюкнет?! Вот бы так было!

Редискина мама – по имени Черана – следит за казаном.

В зале собрались одни мужчины и говорят о своих делах с таким увлечением, как будто не виделись несколько лет, хотя они расстались лишь вчера вече-

ром! Речь — энергичная, на русский слух резкая. Барон гладит бороду. Чобано спорит с Тимой. Боша, хозяин, открыл бутылку водки и наливает поочередно собравшимся цыганам. Кто-то принес пиво. И мое вино для тяфи пригодилось!

Молодежь не пьет.

Через час все поспело. Мясо кладут на общие тарелки. Кто откуда хочет, оттуда и берет. Вилку и нож подали только мне, но я уж решил за компанию — руками! Оказалось, что руками намного вкуснее! Сок течет, облизываешь пальцы. Вокруг стола гуляет полотенце красного цвета — вытирать руки.

Я говорю:

— Бахтале-зурале!* За вашу кумпанию!**

— За дружбу народов! — добавляет Греко, Мустафа-барон.

Праздник продолжается. Цыгане увлеченно о чем-то бельмесят — ни слова непонятно, но мне почему-то ни капельки не скучно и совсем не страшно. А в первый раз, когда в табор собирался, мои родители не на шутку испугались — думали, меня там съедят живьем, словно я в стаю волков собрался! Слишком дурная у цыган репутация. Виной всему — их недоверчивость и скрытность. И особая гордость: «Мы, мол, цыгане! А вас не знаем! Чего вам тут надо?!» Цыганская правда — только для цыган.

Табор — коммуна практически изолированная, добровольное гетто. Чужаков здесь не любят и не пу-

* Счастья-благополучия!

** У цыган-котляров слово «кумпания» идентично слову «табор».

скают. Не столько сознательно, сколько по традиции, а традиция такова, что цыгане веками жили на особицу, но однако ж и не так, чтоб совсем уж отдельно – как тувинцы или чукчи. Те исконно находились на своей территории и могли позволить себе все что угодно, а цыгане, покинув родную Индию, везде попадали в чужую страну, с чужими порядками. Как удалось им за тысячу лет не раствориться в окружающих этносах – маленькое чудо. Видимо, тут и следует искать главную черту, от которой вышло и все остальное.

Монастырь был не их, но цыгане сумели устроиться в нем со своим уставом. Это требовало от них большой ловкости и хитрости. Вечные беженцы. Их домом был табор. Они возили Родину с собой. Дом на колесах. Их нигде не ждали, не приглашали. Других таких не было. А они своенравно продолжали повсюду оставаться не такими, как все! Расплатой за такую роскошь стало обособление – превращение в подобие закрытой касты. Их инакость многим не нравилась, особенно в странах Западной Европы, где бродячий народ долгое время подвергался гонениям – травили собаками, обвиняли в колдовстве, клеймили, вешали, отрезали уши, отдавали в рабство. Кому же охота любить своих обидчиков?

Как бы там ни было, а грань, отделяющая цыган от «гажей», то есть чужаков (при этом неважно, кем собственно являются эти чужаки – французами или финнами, армянами или чехами), в цыганском сознании с незапамятных времен существовала

как стержневая. Им заветно, заповедно было важно не слиться. Почему? Так вышло, природа такая. Они бы и сами не смогли вам ответить, как получилось, что цыганский мир исконно делится на своих и чужих. У некоторых нэций* (под влиянием гонений, не из мизантропии – она им не присуща) слово «чужой» стало ассоциироваться со словом «враг». Сейчас страх прошел, но закрытая каста осталась закрытой. Был один цыганский артист, который мог достигнуть уровня Паваротти, но он даже пальцем не шевельнул, чтоб куда-то прорваться. «Цыгане меня знают, и этого мне достаточно», – объяснял он. Характерная логика.

С другой стороны, как ни относились цыгане к чужакам, они ясно понимали: без чужаков им не обойтись. Да и деться-то некуда! Всегда они с ними! Поэтому цыгане – и гордецы, и приспособленцы одновременно. Не против общества, но и не с ним. «В альтернативе», – сказал бы Кустурица.

Не с меня началось – творческие люди оттого и прославляют цыганскую жизнь (зачастую не зная ее изнанки), что она им сродни, и они точно так же ощущают себя в окружающем обществе как бы вне закона, на подпольном положении, потому что у искусства свои законы и они гораздо древнее любой из существующих ныне конституций, древнее России, древнее христианства, потому что сложились еще при Гомере, а это, согласитесь, адская древность. Диковатый сад искусства,

---

* Те же самые нации, племена, этногруппы.

на взгляд обывателя, — такой же неправильный и беспорядочный, как цыганский табор: ведь в нем распускаются любые цветы. Которые «можно» и которые «нельзя». Само слово «богема» (фр. *bohème*) в буквальном переводе означает «цыганщина», «цыганский дух». Однако задумаемся: если снаружи нам что-то и кажется откровенным хаосом, анархией или смутой, это вовсе не значит, что оно не имеет высокоразвитой структуры внутри. Если бы цыгане и впрямь оказались такими беспринципными раздолбаями и шантрапой, какими их обычно представляют, этот народ и его культура давно бы исчезли, потеряв свое лицо в превратностях кочевий. Но они не потеряли, а даже напротив — приобрели такую разноликость, которая на первых порах сшибает с толку любого этнографа.

Еще в предисловии я обозначил и сейчас повторю, потому что это — основа основ: ЦЫГАНЕ — ВСЕ РАЗНЫЕ. Они как индейцы в романах Купера, только у Купера делавары, могикане, ирокезы и гуроны, а у цыган — сэрвы, котляры, мадьяры, влахи, крымцы, ловари, русска рома*, польска рома**, мугаты, кишиневцы. У каждого племени свои обычаи и свои порядки. Амбрэл объяснял мне: «Есть цыгане французские, американские, китайские, английские... Сколько народов, столько и цыган. Цыгане — многонациональный народ!» Они не едины и всегда помнят о той меже, которая разделяет ловарей и котляров. Всегда подчеркнут, что не надо их путать. Эта разобщенность отчасти объясняет, по-

* Русские цыгане.

** Польские цыгане.

чему цыгане никогда «не выражали большого желания создать государство, которое могли бы назвать своим, в отличие от евреев, чью судьбу нередко сравнивают с судьбой цыган. «Романистан – это место, где стоят мои ноги», – сказал однажды Рональд Ли, цыганский писатель, живущий в Канаде»*. Тут стоит добавить, что Романистан невозможен еще и по другой причине: цыгане не умеют жить сами по себе, они без гажей (то есть не-цыган) как рыбы-прилипалы без своей акулы. Им этот симбиоз (он же противопоставление) необходим, он задан всей их историей. Ведь рыба-прилипала, которая научится жить без акулы, уже не будет рыбой-прилипалой!

Но я отвлекся.

Эта книга – о котлярах. Так получилось, что с ними я общался наиболее плотно.

В ряду с другими цыганскими нэциями, проживающими в настоящее время на территории России, котляры заметно выделяются тем, что они, пожалуй, в наибольшей степени сохранили верность цыганским законам, идущим из древности. Этим обусловлена их колоритность. Они дольше прочих сопротивлялись манкам современной цивилизации, которая при всех собственных достоинствах стирает пестрое разнообразие человеческой природы, пытаясь заменить вселенское счастье узким комфортом. А котляры держались за свое «котлярство», как волк держится за собственную шкуру! Они до сих пор задирают нос

---

* Цыгане. Вечные чужаки / Питер Годвин // National Geographic. Россия. – 2007. – N 4.

и кичатся этой своей «первобытностью». Русский цыган говорил мне про котляров: «Они с нами (то есть с русскими цыганами) ведут себя, как с вами (то есть с чужими). Думают, они одни – цыгане. Если нам девочка из их табора понравится, они и слушать не станут, не выдадут никогда свою за нашего».

Но клановая гордость присуща не только одним котлярам. «Любые цыгане считают свою группу самой лучшей, а всех остальных “недоделанными”. Причем поводы для гордости совершенно разные. Сэрвы скажут, что они самые образованные. А котляры упирают на крепость обычаев и сохранившийся национальный костюм. Слышал от них такую фразу: “Только мы настоящие цыгане, а все остальные фальшивые”. Описанная закономерность действует и внутри одной и той же этногруппы. Донские кишиневцы ставят себя выше кишиневцев-“брыздяев”. Ловари чокечи считают себя более культурными, чем ловари унгри»*.

Винегрет, а не нация! Сам образ – переменчивый, ходкий, разбросанный. Трудно обобщать. Иногда и не стоит. Иначе очень легко впасть в пошлость, свести все к плоским, неправдивым ярлыкам, предубеждениям. Лично мне любой автор, живописно рассуждающий о цыганах **ОБОБЩЕННО**, без ясных сносков на конкретную нацию, внушает подозрение – он либо гений, либо болтун, верхогляд, неумный, а то и похуже – недобросовестный исследователь.

---

* Николай Бессонов (из личной переписки).

Про волшебницу Раду и красавицу Гагашку

«Я тебе скажу сказку, цыганскую сказку... Было это давно. Жили на земле богатые и красивые люди – цыгане. Молодые ходили по вечерам в парк, шутили, смеялись, рвали в парке вишни, и все ходили парами, а один парень был без пары, и одна девушка тоже одна в этот парк ходила, хотя была красоты невозможной. И вот однажды идет она невеселая, а парень ее увидел, и она ему понравилась. “Что ж она грустит?” – подумал парень. Подошел, познакомился, а она была волшебница, по-цыгански – Кэримаске. Звали ее Радой. Парень ее проводил до табора, там костры, песни, пляски, а вообще так было, что в парке этом все украдкой встречались – чтоб барон не знал, чтоб другие не смотрели. А их увидели вместе. На диво цыганам. Доложили барону, поднялся шум, в общем девушку стали бить – родные били, все были против. Парень решил бежать с той волшебницей, но он не знал еще, что Рада – волшебница. Она наколдовала всех цыган так, чтоб они против не были, но отца с матерью околдовать

не смогла. Они все равно запрещали им пожениться. Тогда Рада с этим парнем взяли и убежали – ведь любили они друг друга. Долго прятались от погони, и парень не понимал, почему их до сих пор не нашли, а это Рада снова наколдовала, чтобы их не нашли. Прошел год. Появился у них ребенок, и только тогда призналась Рада, что она волшебница. А мать Рады между тем сильно-сильно переживала, что живет она с родной дочкою в разлуке и ссоре, прямо убивалась. Барон увидел, как она страдает, собрал табор на сходку и дал свое разрешение, чтобы Раду с ее парнем вернули и никто их не трогал. Так они и смирились. Вот и сказке конец, а кто слушал молодец, – Маша достала из пачки сигарету. – Интересная сказка?»

Конечно интересная! У меня прямо глаза загорелись. Это была первая цыганская история, которую я не вычитал из книги, а услышал вживую – нашел человека, сумел уговорить... Мой первый опыт полевой работы в качестве этнографа. Я почувствовал градус, азарт погружения в иную среду, фольклор и традиции, радость открытия, нечаянной удачи. Встреча с бабой Машей положила начало, а начать, как известно, – самое сложное.

Мы с ней познакомились в городе Иваново, в Парке 1905 года. Маша ходила в этот парк работать, в смысле – гадать, а я там гулял. Иду по аллее, вдруг вижу: цыганка, с ней еще внучка лет четырех: в полосатой кофточке, с детской сумочкой. И обе – ко мне. На ловца и зверь! Я тогда цыганами реально бредил, и вот сбывается:

– Добрый, молодой, спросить можно вас?

– Конечно, спрашивай!

Маша говорит:

– Выручи на булочку для ребенка.

Я выгреб ей мелочь, а она продолжает – вежливо-превежливо:

– За то, что вы дали, большое спасибо. За это уважение вам надо погадать. Поинтересуйся – не бойся.

Да разве я боюсь?

Показал ей ладонь, она ее взяла и говорит:

– Ой! Какая жизнь у тебя богатая, щедрая жизнь впереди ожидает! Дай, сколько можешь, рублей пятьдесят – я тебе открою.

– Договорились!

И вот она гадает, но на ладонь и не смотрит – смотрит в глаза:

– Ты на вид веселый, а в душе недовольный. Первую любовь, первую судьбу ты потерял – вам люди помешали, спорчили вам дело. Сам ты не пьешь, а как пьяный ходишь. Тоска твоя злее любой болезни. В больнице вы были, а пользы не имели, но страдаешь не от Бога – страдаешь от людей, от нечистой силы. Но перемена в вашей жизни будет очень хорошая, только будьте похитрей. Что имеете на душе, на языке не имейте. Будет приглашение числа пятого-десятого – лучше не ходите: будете иметь канитель, неприятности. Поняли меня?

Я вынимаю обещанный полтинник, а Маша говорит:

– С душой отдаешь? Деньги надо с душой давать, а я вижу, что жалко.

– Не жалко, правда!

Это ход, который почему-то действует. После вопроса: «С душой отдаешь?» на самом деле становится не жалко. Человек стесняется давать без души. А назад забрать – тем более стыдно. И ты уже доволен, что можешь заплатить – ведь так ты проявляешь широту натуры, свое благородство; кто же не польстится? Это как будто уже вовсе и не дань, а твой личный выбор, хотя на деле – выбора нет, одна только видимость.

А баба Маша полтинник спрятала и предупредила:

– Ты других цыганок не слушай, особенно с вокзала! Они там мафиози! Скрутят по карманам – не узнаешь как!

Гаданью Машу научила бабушка. То есть это все были старинные формулы, годами обкатанные. Были бы плохи – их бы забыли.

Ходит Маша с внучкой. Внучка – чудесная, с розовым бантиком больше головы! Глазами крутит. И сама все время вертится.

– Как тебя зовут?

– Она по-русски еще не знает, – говорит Маша.

– Правнучка твоя?

– Внучка. Наташа.

– А по-цыгански?

– Гагашка она.

– Гагашка, на, это «Милки Вэй».

– Милкивэй, – бессмысленным эхом отзывается

Гагашка: глаза закатила, и такая улыбка – как будто прокуратится!